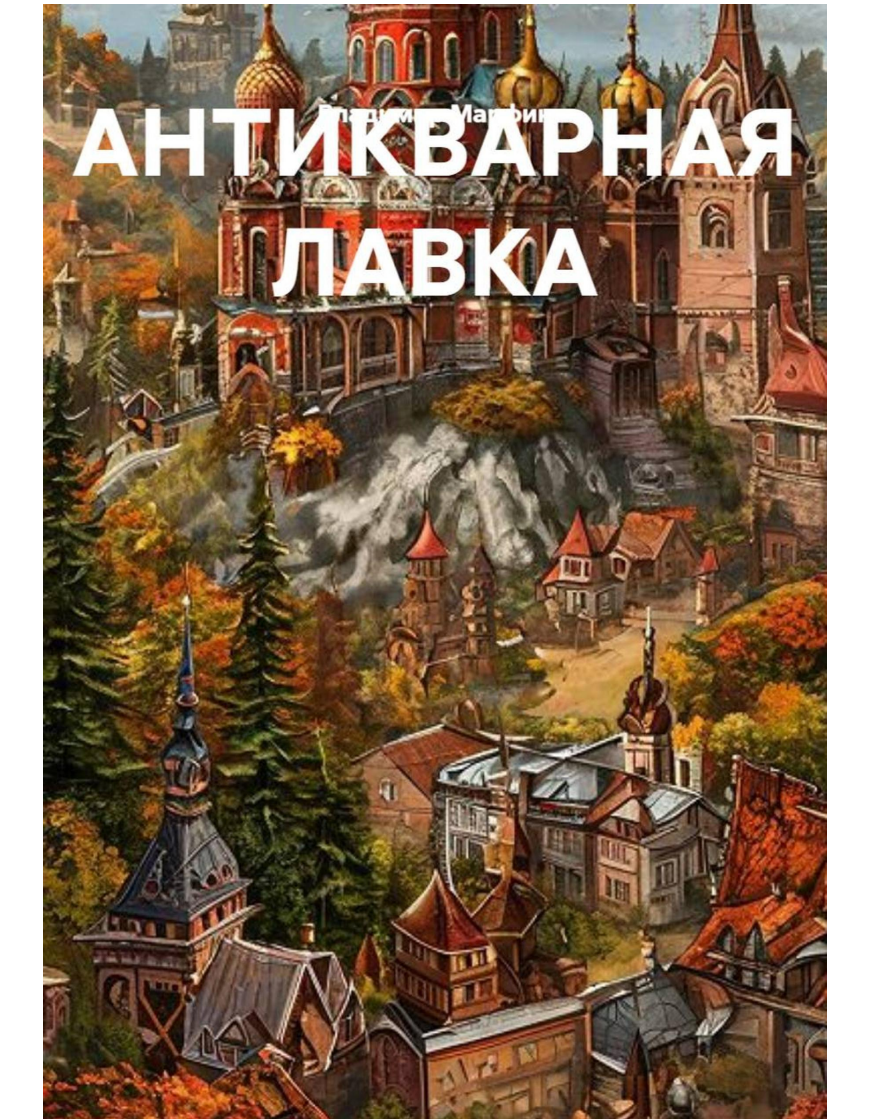

The background is a rich, detailed illustration of a fantastical town. At the top, a large, ornate cathedral with multiple golden domes and red brickwork sits atop a rocky cliff. A wide waterfall cascades down the cliff face in the center. Below the cliff, a small village with red-roofed houses and a church is nestled. The foreground shows more of the town, with various buildings, including one with a prominent blue and white spire, and dense evergreen trees. The overall style is reminiscent of classic fantasy art or a storybook illustration.

АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА

Издательство «Марфи»

Владимир Марфин
АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА

<https://litres.ru/74382342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подборка исторических стихотворений разных лет. Люди и артефакты - с юмором.

Владимир Марфин

АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА

ВЛАДИМИР МАРФИН

АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА

СТИХИ

Болевые и дерзкие, яростные и отчаянные, добрые и улыбающиеся... Люди... Время... Жизнь... И вне сомнения, уникальный АНТИКВАРИАТ этой удивительной Лавки не оставит равнодушными даже самых искушённых и взыскательных любителей поэтических редкостей.

У меня, как у Крёза, сокровищ не счесть.
Здесь отыщется всё – от стрелы до булавки...
Я прошу, господа, окажите мне честь,
посетите мою антикварную лавку.

Вам предложат отрезки шелков и парчи
из интимных дворцовых покоев Бурбонских,
или нежный фарфор – «Голубые мечи»
из фламандских собраний курфюрстов саксонских.

Вот подсвечник Гюго... Вот ночной гарнитур

послуживший на славу кобургским Георгам.
А вот это – козетка мадам Помпадур!
Всё по сходной цене. И старо, и недорого.

Дальше – больше: Пикассо, Кандинский, Ван-Гог,
Фаберже... Бенвенуто Челлини поделки...
Я уверен, что самый дотошный знаток
не рискнёт утверждать, что всё это – подделки.

Мы сумели скопировать всех Мастеров,
стиражировать редкостные экземпляры.
Вам по вкусу Коро? Получите Коро –
подпись, патина, рама... Почти что задаром.

Может, бронзу желаете? Мрамор? Гранит-с?
Есть Роден, есть Пракситель и Фидий... О Боже,
вас волнует, что это раскрашенный гипс?
Ну и что из того? Ведь чертовски похоже!

Антикварная лавка – мой храм на крови,
мой удел, мой предел, маета и забота.
Вот и жизнь пронеслась, без страстей, без любви,
равнодушная копия, слепок с кого-то.

Все мы – копии копий. И в профиль, и в фас,
друг на друга, как птицы и звери, похожи.

Микеланджело и Рафаэли средь нас
в наше время, пожалуй, уже невозможны.

Обезличка и массовость – вот наш кумир.
Вся индустрия моды – толпе на затравку!
Мы погрязли в подделках. И весь этот мир
Так похож на мою антикварную лавку.

И уже я не копии вам продаю
пистолетов, стилетов, плюмажей, пейзажей,
а единственный подлинник –
ДУШУ свою.

Налетайте, хватайте... Идёт распродажа!.. 20.1.84 г

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Серебряный, бросок и светел, старинный чернильный
прибор,
стоит на столе в кабинете, забыт с незапамятных пор.
В порыве наитья и страсти, для чьих-то волшебных чер-
нил,
какой-то магический мастер его чудотворно отлил.
С фигурками гурий и фавнов, в туниках, накидках, вен-
ках,
где с поднятой чашей заздравной над ними склоняется
Вакх.

Изысканных форм прихотливость, что сказкой затем расцвела,

наверно, сначала приснилась, а позже, как Божия Милость,

и в тигли уже снизошла.

И в яри, в священном горенье и, может, в моление творец создал это чудоявление, причудливый этот ларец, предерзко предвидя и веря в чернильницы сей благодать и в те благодарные перья, что ей только будут под стать.

Для писем лирических, нежных, надушенных, сложенных в бант,

для пламенных, тайных, мятежных, зовущих к борьбе, как набат.

Не зря же, к посланьям причастно, оправленное в серебро, лежит триумфально и властно в ложбинке лебяжье перо.

Беру я его осторожно.

Привет вам, бывшие века!

Но, странной пронизана дрожью, бессильно немеет рука.

И словно из далей застылых плывёт наставленье в тиши: «Тебе оно, брат, не под силу, ты, друг, авторучкой пиши, привычной, с заряженным стержнем, которая тоже «стило»,

оставив пустые надежды вернуться к тому,

что ушло...» 17 мая 2022 г.

СТАРЫЙ СКАЛЬД

У приморских стылых скал, глядя в пенные буруны,
сочиняет старый скальд геральдические руны.

Память сердца, как кинжал, не даёт душе покоя.

В давней битве он сбежал с рокового поля боя,
где, попавшая в капкан, но борясь неудержимо,
в окружении славян полегла его дружина.

И лишь только он домой с той порубищи кровавой
возвратился, сам не свой, вестник горя, скорби, славы.

Ныне у него семья. Он глава большого рода.

Подрастают сыновья. Рвутся в дальние походы.

Может, будет им дано много славы небывалой.

А погибнуть суждено – так достойными Валгаллы.

Бьётся о берег волна, пеня шумные буруны,
как бодрящая струна в монотонных струнах руны.

И рождаются стихи, непокорно и покорно,
как стихия среди стихий,

как шторма в разгаре шторма. 27 ноября 2024 г

О Д И Н

«Горели погребальные костры на поле завершившегося боя.

Валькирии, прекрасны и страшны, безумствуя и ссорясь меж собою,
носились на предельных скоростях,
прогорклый воздух режа, словно туши,
сжимая в окровавленных когтях варяжские истерзанные души.

И Один величавый, прежде щедр при поощрении всякого геройства,
растерянно подсчитывал ущерб от этого поверженного войска.

Он верил, что победу одержав, вновь новые владения получит.

Но Боги тех несломленных держав на этот раз сплотились могучей.

И в гневе от позора и хулы, решал непримиримо и надменно,

кто из бойцов достоин Валгаллы.

«А то, быть может, всех в Хельхельм... в геенну?»

Но вслушавшись в валькирий шумный рой,
толпящийся пред Ним, визжа и плача, изрёк:

-Да будет каждый как герой. Ведь у Меня не может быть

иначе.

Пусть скальды в звонких рунах воздадут
хвалу их силе, доблести, отваге.

А мы же подождём, пока взрастут для новых торжищ
новые варяги.

И глянув вниз, на скорбные костры,
что медленно дымились, догорая,
Он распахнул преддверье Валгаллы,
впервые сам себе не доверяя. 28 ноября 2024 г.

МАЛЕНЬКИЙ ГУНН

1.

И хотя он пока что ребёнок
и, как всякий мальчонка, пострел,
у него уже есть жеребёнок,
лук и несколько маленьких стрел.

И набор всевозможных игрушек,
что собрал по окрестностям он –
черепушки различных зверушек
и подбитых орлов и ворон.

С кучей сверстников бегают, скачет.
С кем-то дружит, кого-то костит.
Нос в запале расквасят, не плачет,

непременно потом отомстит.

И всё чаще с семьёй провожая
уходящих на запад в поход,
так завидует им и мечтает,
что вот так же когда уйдёт...
2.

Из набега с добычей нехилой
возвратился отец, как герой.
Мать надрывно зовет:
- Атилла, поспешай поскорее домой!

Ну и как же не взвиться, как птице?
И на радостный матушкин клич
куланёнком восторженным мчится
по степи «Божий будущий бич».

Ест с отцом отварную конину,
пьёт верблюжье, захлёб, молоко...
И до Рима, до Рима, до Рима
так ещё далеко, далеко... 3 ноября 2024 г.

х х х х х

А гунны Рим не разрушали,

хотя, конечно же, могли.
Там галлы, готы «гостевали».
А после вандалы пришли.

И беспредельное их скотство,
где каждый, словно гамадрил,
воздалось Риму за господство,
за то, что в мире сам творил. 5 ноября 2024 г.

КАНДЕЛЯБР

Старинный медный канделябр, застывший на камине,
он столько лиц перевидал издревле и донине.
И столько пережѣг свечей, как пережил и жизней
владык, вассалов, палачей – ну как без них в Отчизне?

Пусть опустел давно дворец, простым музеем ставший,
но звук шагов и стук сердец слышны здесь, как и раньше.
Когда напольные часы в заветный час ударят,
мантильи, парики, усы закружатся в угаре.

И словно бы вздохнѣт шандал совсем по-человечьи,
хотя давно не зажигал никто литые свечи.
Но напряжѣнные они, стройны, как обелиски,
чумно хранят в себе огни и ждут лишь только искры.

Чтоб разгореться, как тогда, под свист ночной метели,
когда рванул мятеж, когда так страсти закипели,
когда вот этот канделябр в руке бунтарской дикой
нанёс убийственный удар казнимому владыке...

15 июля 2022 г.

В А З А

Антикварная древняя ваза – запредельный мифический
век.

По наитию иль по заказу её создал неведомый грек.

Прямо девичья вычурность линий от, казалось бы, шейки
до ног.

Никакой Геродот или Плиний этот шарм описать бы не
смог.

Может быть, молодую гречанку видел в грёзах влюблён-
ный гончар,

воплощая её, как вакханку, опьяняясь от собственных
чар.

А не то и сама Афродита обнажённо предстала пред ним,
чтобы вышел фиал, как молитва - красоты и эротики
гимн.

И конечно, в магической глине зашифрован был дерзост-
ный код,

раз представил Тебя я богиней, выходящей из мраморных вод.

И потом на пороге из зала оглянулся, как будто на вздох,
словно Ты меня тихо позвала
из пронесшихся ваших эпох. 8 декабря 2022 г.

САХАРА

Пустыня. Пустырь. Пустота. Пустоводье.
Казалось, какая возможна тут жизнь?
Безмолвье. Безлюдье. Природы отродье,
причуда, мираж, где цветут миражи.

Тут в мареве душном слепящего зноя,
прорвавшись сквозь зыбкий слоистый туман,
порой возникает внезапно та-а-акое...
Надежда... Спасенье... Но это обман.

Обвальный самум всё вокруг замечает,
маршрут караванный сбивая с пути.
Пропал проводник. И верблюды не знают,
и люди не знают, куда им идти.

И мечутся в ужасе, в корчах безумий,
сгорая от немочи, жажды, тоски...
О сколько же разных бесчисленных мумий

скрывают зыбучие эти пески!

И всё же в них, гиблых, как в мёртвой Помпее,
где всё то, что жило, навеки ушло,
легко обретаются птицы и змеи
и прочая живность, всем бедам назло.

И в редких оазисах, чуть не былинных,
где чудом ещё сохранилась вода,
привычно и мирно живут бедуины,
и даже нередко имеют стада.

А с краю, у Нила, стоят пирамиды,
как ряд поистершихся каменных фикс.
И водят туристов к ним шустрые гиды.
И мрачно над всем этим властвует Сфинкс.

И даже такая бывает тут небыль,
когда, обалдев от неё, туарег,
покинув шатёр, в страхе молится небу,
на вкус робко пробуя выпавший снег.

А ты для меня, как оазис в Сахаре,
зло испепеляющей всю мою жизнь,
где в люто сжигающей мари и хмаре
нешадный самум беспощадно кружит.

Как полз я к тебе, погибая от жажды,
шепча твоё имя обугленным ртом,
но ты оказалась пустынным миражем,
и светлый оазис твой тоже фантом.

И как же я был очарован! Но чары
вдруг рвутся неожиданно и резко подчас.
И люто сжигавшие псевдо Сахары
случаются в жизни у многих из нас.

И ты, понимая, что некуда деться,
а в выборе – жизнь или «пуля в висок» ,
впиваешься в жизнь, вымывая из сердца
с сожжённой кровью кровавый песок 6 мая 2026 г.

С Ф И Н К С

1.

Изучая страны мира, я добрался до Каира.
Ибо, кто как не Каир, представляет древний мир.
Всё в египетстве законно – от рамсесов, эхнатонов,
клеопатр и нефертить, коих продолжают чтить,
до вновь явленных приматов – гамальнасеров, садатов,
и Фарука короля, кому дали пендаля.

А Каир сей неуклонно – град Аллаха, не Амона, –

превратился в краткий срок в очень милый городок.
Мегаполис! Супер-чудо!
Правда, тут полно верблюдов,
хотя, в общем, данный вид выслан в область пирамид.

А все древности – в Музее, где, глаза и балдея
от всех мумий, как дурак, я свалился... в саркофаг.

Но рачительные стражи, не сказав и слова даже,
меня шустро извлекли и к начальству сволокли.
Там всё толком объяснили (хорошо, что не побили),
сознавая, что турист не вандал, не террорист,
и в их экспонат роскошный завалился не нарощно,
а в восторге – спёрся дух, загляделся и – бух-бух!
И ещё внушали долго, что друзья, хоть, Нил и Волга,
но за данный эпизод мне могли...
Вот перевод:

«...и примите к сведению, что священной чести
валяться в наших замечательных саркофагах
удостоены лишь высокопоставленные законные
мумии, а не шляющиеся глазеть на них
всевозможные придурки, однако, если у Вас
есть желание присоединиться к ним, то наши
парасхиты тут же мумифицируют Вас, но
поместят не в изящно раскрашенный ларь, а

в какой-нибудь мебельный ящик, и затем выбросят
в Нил, где вечно голодные крокодилы
возблагодарят их за Ваш столь неожиданный и
питательный визит...»

Так что, с полным осознанием столь возможного деянья,
свой невольный «влёт» кляня,
упросив простить меня, штраф сумел я уплатить,
и рванул от нефертить...

2.

...А на завтра с местным гидом закатился к пирамидам.
Где, среди бродящих толп, с Сфинксом встретился –
лоб в лоб.

За свои тысячелетья, зная всё про всё на свете,
так на нас Он поглядел, словно в морды дать хотел.
Да и то ведь, и верблюды, и арабы с пришлым людом,
и проклятые пески пообрыдли до тоски.

Всё же, побродив для вида у ближайшей пирамиды,
я вернулся к Сфинксу.

Сфинкс

мрачно глянул сверху вниз и вздохнул привычно тяжело
перед новою букашкой, что пришла, задравши нос,
чтоб задать Ему вопрос.

И воззвал я: - Всемогущий!

Что сулит нам век текущий? Славу миру иль позор?

Сфинкс прошамкал:

- Nevermore!

-«Nevermore?!» Но ты ж не Ворон,
что в одном творенье спорном завершал свой разговор
этим самым «nevermore».

Я ж к тебе с душой открытой, так ответь же, не таи ты,
что нам светит? Жизнь иль мор?

Сфинкс ответил:

- Nevrrmore! И давай, вали отсюда,
все вы, люди и верблюды, за все эти тыщи лет
надоели, мочи нет!

Как подлюки-скарабеи, возле пирамид – музеев
лазите, ища утех...

Nevermore на вас на всех!

А за то, что я без носа, что не задаёшь вопроса?

Э т о сделал человек! Nevrrmore ему вовек!

Так что, брысь, беги отсюда, а не то... не я я буду,
для спасенья пирамид...

Тут прибёг с арабом гид.

И воссевши на верблюдов, мы погнали прочь от Чуда,
слыша всей пустыни ор нам вдогонку:

- NEVERMORE!!!

3.

...За два дня в своём отеле отошёл я, еле-еле
возвратив товарный вид после грозных пирамид.
Но, однако, воротился в дом родной с фигуркой сфинкса,
и возлёт он, аки лев, на компьютерном столе.

Ловко вылитый из бронзы, не пугающий, серьёзный
представитель древних сфер, вжитый в местный интерьер
молчаливый согладатель...

Но мне кажется, когда-то в этой бронзе золотой
возродится Сфинкс живой.

И во мгле ночи тревожной Он однажды осторожно,
вспомнив мой с Ним разговор, прохочет:

- Ne-ver-more!... 19.5.97 г.

МАСКАРАД

На ночном маскарадном балу, среди масок и броских нарядов,

я заметил фигурку одну и уже не сводил с неё взгляда.
Снежно белый её балахон показался особенно странным
переломленным красным крестом,
опоясанным чёрным тюльпаном.

И как будто невидимый нимб, мне казалось, витает чудесно
над таинственно скрытым, над ним, этим чудом телесно
прелестным.

Между ярких несущихся пар лишь она одиноко кружила.
И меня знойно бросило в жар, и морозом наполнило жи-
лы,
когда вдруг она, резко свернув,
подошла ко мне чуть не вплотную,
и мне руки свои протянув, прошептала:
-Давай потанцуем!

Словно вихрь, вздыбил слившихся нас.
И погнал, закружил до упада, сумасшедший неистовый
вальс
грозной музыкой Рая иль Ада.
И я понял, что кончена жизнь, и хрипел я, почти умирая:
Ну, открой же лицо, покажись! Да признайся же, кто ты
такая!

Смолкла музыка... шумы... возня.
Маска взмыла, как чёрная птица.
И взглянули в упор на меня голый череп, пустые глазни-
цы...
И от морока этих глазниц, от объятий губительных, жут-

ких,

я свалился беспamięтно ниц.

И очнулся лишь где-то под утро у кладбищенской стылой
стены,

под распытьем тюльпаном обвитым...

Но за что мне те муки даны, за какие грехи и обиды?

Чем я, Боже, тебя прогневил? Чем тебе не угоден я, Боже?

Вот валяюсь повержен, без сил, вот глаза открываю...

И что же?

На подушке, промокшей от слёз, в своём доме –
житейской голгофе.

Рядом дрыхнет любимый мой пёс,

и на кухне жена варит кофе. Июнь 2021 г.

ОТРЫВОК из старинной аглицкой рукописи,

неизвестно как оказавшейся в России

и переведённой коллежским асессором

Епифаном Оглыздиным

в 1811 году.

...Случайно в анналах архива, к которому был прикреп-
лён,

я как-то наткнулся счастливо на рукопись давних времён.

А в ней летописец тогдашний писал, как в Шеффилдских

лесах

завёлся ужасный и страшный, зверюга, внушающий страх.
И этот позорный зверюга, по вымыслам лютый злодей,
всемерно тиранил округу, а в ней и скотов, и людей.

Округой же данной огромной владел Тоби Мак Грегор
сэр,

в родстве с королевской короной, поскольку и граф был,
и пэр.

Хозяин бескрайних поместий, частенько хмельной и
шальной,

он был повсеместно известен собой и прелестной женой.

Красотка же эта Илона, юна и к тому же умна,
была за долги папой Джоном в замужество Тоби дана.
Но Тобию она не любила, хотя был и граф он, и пэр,
и тайно всё время молила, чтоб где-то он сдох, например.

Когда ж донесли её слуги, что всюду наводит урон,
у них объявившись в округе какой-то медведь, как дракон,
то добрая леди Илона, являя невиданный пыл,
решила послать на «дракона» супруга, чтоб шкуру добыл.

Мол, Вы изничтожите гада, ведь Вам же сражаться не
вновь,

а я Вам представлю в награду свою неземную любовь.

И Тоби весьма возгордился, что леди на подвиг зовёт,
и, сев на коня, устремился один в богатырский поход.
И надо ж случиться такому, как только он в лес прискакал,
навстречу ему бестолково дурила медведь набежал.

Он мирно в малиннике пасся, ища под колодами мёд,
и вдруг непонятная масса летит на него и орёт.

От этакой встречи ужасной в обоих случился испуг,
и каждый позорно и страстно издал непредвиденный звук.
И тут же рванув друг от друга, сэр Тоби и бедный медведь
обделавшись в общих испугах, бежа, продолжали реветь.

А конь досточтимого сэра, решив, что накрылся седок,
бесчестным и подлым манером, о нём не заботясь, убёг.
Весь в мыле он к замку явился, оря на бегу – иго-го!
С уздой и седлом предъявился, да только в седле - никого.

И в радости леди Илона, решив, что сэр Тоби погиб,
издала истошно и томно прискорбный ликующий крик.
«Мой милый супруг не вернётся, сожрал его подлый мед-
ведь,

и мне, безутешной, придётся по нём беспардонно скор-
беть.

Но, чтобы унять хоть немного во мне мой возникший тра-

ГИЗМ,

мне горе облегчить помогут лорд Спенсер и Далвинг маркиз».

Однако, чтоб как-то приличья в известных кругах соблюсти,

миледи послала опричну следы сэра Тоби найти.

И вскоре едва ли не рота с надеждой отправилась в лес от пэра найти хоть чего-то, и с ружьями наперевес.

По следу медвежьих «медалей», что зверь, удирая, ронял, нежданно его отыскали. Но он в неживых пребывал
А вскоре и храброго графа узрели на ближней сосне, куда он взобрался со страха, в слезах, и в смоле, и в дерьме.

Стащив его с данного древа, хотя он слезать не хотел, вернули с весёлым напевом в его родословный предел, где славная леди Илона, на радость любезных дружков, всё так же страдая бонтонно, ввела их в свой личный альков.

Но только в раскрытой постели любовным утехам дан ход, как чёртовы трубы запели у замковых крепких ворот. И в полной досаде и скорби узрела миледи в окне почти невредимого Тоби, но только в смоле и дерьме.

Пока надевали рубахи и прочее лорд и маркиз,
пока в опупенье и страхе летели по лестницам вниз,
укрывшись в крысином подвале, чем леди до слёз довели,
супруга её искупали и чистеньким к ней привели.

И Тоби, придя после бани в себя, вновь бесстрашен и лих,
поведал жене как сказанье о подвигах славных своих.
И что после всяких сюрпризов, явив легендарную прыть,
он некого лорда с маркизом решил изловить и давить.

Знать, слуги ему нашептали про всё, что прознали они.
И бедная леди в печали влачила останние дни.

А два её милых дружочка, неведомо как и когда,
но точно какою-то ночью исчезли навек, навсегда.

Что дальше имелось случиться, какая и с чем была
связь...

Но только на этой странице та рукопись оборвалась,
поведав, что всяческим сэрам дал мужества личный при-
мер

в сраженье с супругой и зверем сэр Тоби,
как граф и как пэр. 1.1.2000 г.

БАЛЛАДА о ВЕРНОСТИ

1.

Сэр Генри Вандгомери, рыцарь и лорд,
отправился в дальний Крестовый поход.
Ко Гробу Господню пошёл на войну,
оставив одну молодую жену.

Он очень любил свою страстную мэм,
ревнуя её ко всему и ко всем.
И рад был остаться с ней, ложе деля,
когда бы не властный приказ короля.

Все герцоги, пэры, и прочая знать,
не только за Веру должны воевать,
но в схватках смертельных неверных губя,
могли бы добыть кое-что для себя.

Но прежде, чем выйти в нелёгкий поход,
сэр Генри практичный, как истинный лорд,
призвал кузнеца и ему приказал,
чтоб «верности пояс» для леди связал.

Он верил в её непорочность и честь,
но мало ли что ей приспичится здесь,
одной, безутешной, с азартом в крови,
весьма искушённой в забавах любви.

Кузнец той же ночью «страховку» создал

и ключ от замочка заказчику сдал.
И враз успокоился Генри, герой,
не зная, что есть ещё ключик второй.
Его для себя приготовил кузнец,
на что-то надеясь, прохвост и подлец.

2.

В песках Палестины, как жаждал и мог,
сэр Генри неверных и грабил, и жёг.
А в замке – тюрьме, от него вдалеке,
несчастливая мэм изнывала в тоске.

В томлящей истоме себя извела,
но пояс проклятый стянуть не смогла.
И как-то в запале послал гонца,
чтоб он приволок ей того кузнеца.

Кузнец, осознав, что пришёл его час,
к несчастной миледи примчался тотчас.
И ключик заветный достав из порток,
прелестную леди утешил, как мог.

А доблестный Генри, рубая врага,
не ведал, что мэм ему растит рога
И ключ продолжая у сердца хранить,
считал, что не сможет жена изменить.

3.

Далёкое время... Крутые года...

Однако и ныне полезно всегда

знать, веря в чужую безгрешность и честь, -
к любому замочку два ключика есть.

А если какой-то из них пропадёт.,

то всякая «фомка» к нему подойдёт. 29.12.1986 г.

БАЛЛАДА о ПЕРСПЕКТИВАХ

1.

С добычей и славой вернувшись с войны,

сэр Генри, милорд, при осмотре жены

нашёл, что в порядке его «поясок»,

лишь только слегка расшатался замок.

-А что же хотел ты? - обиделась мэм,-

чтоб я задохнулась в сей клетке совсем?

Ты в латах своих шевелиться не мог,

а я всё же женщина, нежный цветок!

И пояс проклятый пыталась сорвать,

но можно ль, несчастной, с замком совладать?

И я погибала в слезах и тоске,

томясь без тебя, от тебя вдалеке!

2.

Сэр Генри, от горьких упрёков жены,
с сознанием собственной лютой вины,
упав на колени пред ней, возрыдал,
и пояс дрожащею дланью содрал.

А после в объятьях раскованной мэм
лежал он, довольный и всеми и всем.
И нежно светились, как метка врага,
на лбу его гордом литые рога.

3.

Но знал же ведь Генри, идя на войну,
что грех оставлять без присмотра жену.
Поскольку у ледей, что миссис, что мисс,
важней всех обетов их личный каприз.

И если в головку ей что-то взбредёт,
супруга никто и ничто не спасёт.
Пусть ему честь, как престиж, дорога.
Но всё ж в перспективе возможны... рога.

Конечно, не каждому и не у всех.
Но это лишь сказка

для наших утех. 28.12. 86 г.

БАЛЛАДА о КОВАРСТВЕ

Барон фон дер Шмотке по имени Фриц
весьма был охоч до прелестных девиц,
и в гнусных желаньях своих преуспев,
немало попортил податливых дев.

Он так бы шарашил до старости лет,
когда б не назойливый брачный обет
и не возражала Гертруда жена,
ведь дочкой курфюрста являлась она.

А сам герр курфюрст, престарелый самец,
был в прошлом своём тот ещё удалец
и в разных селеньях владений своих
успешно плодил курфюрстят, курфюрстих.

Из всей же приبلуды липучей, как скотч,
признав лишь Гертруду – законную дочь.
А чтоб защитить её дамскую честь,
не только как папа, но также и тесть,
он Фрицу частенько давал тумака,
хоть втайне завидовал шашням зятка.

Но фрау Гертруда, устав от измен,
решила добиться крутых перемен,
и как-то в сердцах, не владея собой,
презренного мужа призвала на бой.

А Фриц, в этом выгоду видя свою
и веря, что в честном открытом бою
с великою радостью станет вдовцом
тотчас согласился, и дело с концом.

Однако Гертруда, крутая жена,
от страха и гнева бледна и страшна,
в экстазе нарушила слово своё
и бойко схватив боевое копье,
почти не владея в запале собой,
единым ударом окончила бой.

В причинное место супругу, как гол
в пустые ворота, был загнан укол.
И тут же лишился безудержный Фриц
всего, чем был горд, восхищая девиц.

Такие вот были тогда времена,
такою коварной случилась жена.

А мы ж не бароны и нам наплевать.

Гуляли, гуляем, и будем гулять!
Однако у жёнушек наших всегда
в запасе есть скалка и сковорода.
А эти орудия, мама моя! -
страшнее любого меча и копья. 4.1.1986 г.

АНТИБАЛЛАДА о ТОМ, КАК НЕ НАДО

Изменщика мужа достоинств лишив
и тем все загулы его завершив,
решила Гертруда, курфюрстова дочь,
что может сама оторваться теперь.

В желании страстном обильной любви,
раскрыла дворянам объятья свои,
когда же дворян не осталось вокруг,
свой пыл обратила Гертруда на слуг.

Барон же фон Шмотке, подколотый Фриц,
лишившись родных детородных частиц,
в безмерных печалях своих вспоминал,
как девы ценили его «номинал».

И пусть как мужчина он ныне притух,
но всё ещё жил его рыцарский дух,
и вспомнив, какой же он был удалец,

решил положить дамским козням конец.

Достав из чулана медвежий капкан,
законною мстью и злом обуян,
он сей механизм приспособил в кровать
и сам под кроватью устроился – ждать.

Стальной агрегат разрядился в ночи.
И что было дальше, о том помолчим.
Все страсти-мордасти сокрыла молва.
И в этом молчанье как будто права.

Какую ж мы вынесли с вами мораль?
Ну, фрау Гертруду мне искренно жаль,
и как её, бедную, не пожалеть?
Она же ведь женщина, а не медведь.

И Фрица готов я во всём поддержать.
Зачем его было достоинств лишать?
Взяла развелась бы, и дело с концом.
Так нет же, меж ног боевым копьём!

И что же в итоге, который нам дан?
Да то, что обое попали в капкан.
И я утверждаю опять, господа,
что всё-таки скалка и сковорода

гораздо гуманнее в схватках любви.

Но лучше без них

Вот така се ля ви! 6.1.1986 г.

БАЛЛАДА о ВОЗМЕЗДИИ

Дон Педро был не только дон, он был к тому же гранд.

И славен был в Мадриде он ещё как дуэлянт.

Однако часто битым был, как половой бандит,
поскольку многих совратил сеньор и сеньорит.

Он ради их прекрасных глаз, являя пыл и прыть,

готов был подвиг напоказ безумный совершить.

Всегда дарил букеты он, и был на ласки щедр,
неукротимый данный дон, средь Педров лучший Педр.

А рога носные мужья и прочие мужи

точили, злобу не тая, на бестию ножи

Но с помощью влюблённых жён от всех погонь и банд
легко спасался ушлый дон, неукротимый гранд.

И вдруг узнал король Хуан, шестой или седьмой,
что закрутил лихой роман сей Педр с его сестрой.

И дескать блудная сестра, проказы возлюбя,
скрывала иногда Педра под юбкой у себя.

А ошарашенный Хуан, который был король,
готовил ветреной мадам совсем другую роль.
И он, и Изабелла- мать, мечтали (ай-люлю!)
сию девицу в жёны сдать другому королю.

А тут такая карусель, такой, пardon, пердон,
к принцессе ветреной в постель залез какой-то дон.
Так что скорей его нагнать, загнать и отловить,
затем пытать, четвертовать, но прежде оскотить.

И вскоре под восторг мужей и причитанья жён
лишился живности своей, а также жизни дон.
А сам Хуан издал указ с набором высших мер,
дабы страшать им всякий раз
иных подобных Педр. 14.7.86 г.

ОШИБКА Дон Хуана

И надо ж было Дон Хуану влюбиться в эту Донну Анну.
А с ней морока. И к тому ж при ней ревнивый дикий муж,
за честь свою готовый сдуру попортить собственную шкуру,
как будто бы его жена на белом свете лишь одна.

И вот триада: муж. Хуана, и Анна - яблоко раздора.
Раскрыт роман. Горит Хуан. И- убивает Командора.

Так велика его вина.
Но Донна Анна спасена.

Однако лёжа и во гробе (о, как блюдут сеньоры честь!)
Дон Командор в тоске и злобе лелеет праведную месть.

XXXXX

И надо ж было Дон Хуана надраться в этот вечер пьяну.
Нажрался Дон (душа горит!) и ну орать на весь Мадрид,
что отбьёт он очень скоро жён у всех прочих командоров.
Ликують жёны.
А мужи тотчас схватились за ножи.

А чёртов Дон берёт всё выше, страша и королевский двор.
Но тут не выдержал и вышел на сцену мёртвый Командор.
Явился грозный монумент и всё решил в один момент.
Схватив, как пойманную птицу зарвавшегося Хуана,
он придавил его десницей и наподдал по шее:-Н-на!

М о р а л ь

Морали нет, как нет.
Но есть один простой совет:
уж если ты решил хуанить, то не пытайся хулиганить,
и не ори, яря врагов, о наставленьи им рогов.
А по возможности бонтон и по велению души
влюбляй в себя любую донну и мадригалы ей пиши

Примечание:

Грешить с чужой женой грешно.

Но если тихо и умно? 4.9.81 г.

БАЛЛАДА о БДИТЕЛЬНОСТИ

Узнали как-то граф Дави и герцог де ля Ор,
что ночью в древний замок Ви проник один приор.
А для чего проник приор?
Об этом после разговор.

Всё дело в том, что граф. Дави
и герцог де ля Ор
увидели, как в замок Ви проник подлец приор.
А в замке том совсем одну
оставил граф свою жену.
И с ней приор тот визави мог весть амуры.
Се ля ви!

Когда грозны, как принц Морни,
друзья вошли во двор,
то, что увидели они, Дави и де ля Ор?
Приор кухарку... сатана!.. лобзал на кухне.
Вот те на !
А в спальне, где была жена,
царили мрак и тишина.

И глухо зарыдал Дави (а герцог: -Хи-хи-хи!):
-Святой отец, благослови и отпусти грехи!

Святой отец благословил друзей без лишних слов
и до рассвета с ними пил и ел перепелов.

А в это время (вот дела!)

прекрасна и юна,

графиня юная спала.

Одна, совсем одна. 3.7. 83 г.

О ДУРАХ и ПОМПАДУРАХ

...И всё ж мадам де Помпадур была не из последних дур,
коль, власть с Людовиком деля, в руках держала короля.

И у Людовика губа была не дура.

Но судьба сыграла шутку с ним и с ней.

Таков удел всех королей и фавориток.

До поры им поклоненье и дары, затем отставка.

Ведь в любви нельзя жить вечно.

Се ля ви!!

М а д а м!

Былая красота, увы, не стоит ни черта.

Тем более, что полон Лувр

молоденьких и хищных дур,
надеющихся, что король
им предоставит ту же роль,
что с ним сыграла в унисон Антуанетта Пуассон,
то бишь, Жаннетт де Помпадур,
источник многих авантур в делах, политике, любви
Луи Бурбона.
Се ля ви!

Но сей Бурбон, хотя и бон,
был, тем не менее, бурбон.
И как бурбонов не кляни неизменяемы они.

Ах, не осталось ничего нам от величества того.
А от мадам де Помпадур кушетка в стиле «помпадур»,
на коей, маясь животом, я миру возвестил
о том,
что, мол, была сия мадам
отнюдь не из последних дам,
коль, власть с Людовиком деля,
в руках держала короля.

И у Людовика губа была не дура.
Но судьба...

Кто не устал сие читать,

тот может дальше продолжать.

Я ж, выдав истины свои,

здесь умолкаю.

Се ля ви! 6.5.82 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗЫСКАНИЕ

о пивоваре Гленне, короле Карле, иуде Мазепе,

и что с ними случилось в июле 1703 года

в 6 верстах от города Полтавы

Жил в Мальме Гленн Свенсон.

Он был пивовар, как дед его и отец.

И к пивоваренью имел он дар, и в даре том был молодец.

В живое сусло засыпал он хмель с добавкой кое-чего.

Поэтому лучшие портер и эль были лишь у него.

Так мог бы он долго и славно жить во всё протяжение лет,

и в нужное время мирно почить, как папа его и дед.

Но тут в мир иной их король отошёл, который был стар
и устал.

И сразу взошёл на отцовский престол, точнее, взбежал
сын Карл.

И сын данный Карл был храбр и удал, имея воинственный
пыл.

Из прочих одиннадцати бывших Карл

он Карлом двенадцатым был.

И вот он на время оставил жену, детей и заветный трон, поелику влез в затяжную войну с российским царём Петром.

И чтоб обрести бессмертье своё в победах личных идей, он тут же поставил себе под ружьё оравы шведских людей.

Под треск барабанов гремел набат, флейты свистели – фьи-ить!

И тысячи тысяч шведских солдат отправились русских бить.

И с ними, кто пёхом, кто на конях, различных ландскнехтов люд –

литовцы и ляхи, Россию кляня,
и клятвопреступная казачня с Мазепой – иудой иуд.

И вот под Полтавой начался бой – хлестнулись с ратию рать.

Но Гленн не хотел рисковать собой, и не пожелал умирать. И так как от общих глупых атак в пятки ушла душа, то Гленн кувырком свалил в буерак, и замер там не дыша.

Но данный маневр его разгадал, и в миг решил повторить Йохан Безонсон, подлый капрал, тоже решивший жить. Кругом гром и молнии, море огня, а капрал, укрывшись

орёт,

спасая себя:

- Эй, Гленн ты свинья! А ну вылезай и – вперёд!

И выскочил Гленн в ту бойню и гром, представившись всем наяву.

И в ту же минуту летевшим ядром ему оторвало голову.

И падая, думала голова:

«А где же тело моё?»

И тело гудело: «Куда же глава?»

И как я теперь без неё?»

Но в это же время на бучу взирал с небес Всемогуший Бог.

И Гленна заметив, ему возжелал помочь, и тут же помог.

Однако поскольку ещё имел немало других забот,

то голову ту второпях привертел,

да только наоборот.

Лицо оказалось теперь за спиной, затылок же весь впереди.

И как же теперь продолжать Гленну бой, куда вообще идти?

И делал Гленн Свенсон то скок, то прыг, не зря пред собой ничего,

пока разухабистый русский штык не впился в брюхо его.

И снова взмолился Гленн:

- О мой Бог! - простёрши взор к небесам.

Но Бог заявил:

-Я тебе помог! А теперь разбирайся сам!

И хоть бедный Гленн не колол, не стрелял, спасая себя и юля,

он жизнь свою всё же глупейше отдал за глупого короля.

А вскоре закончился лютый бой. Бесславым вышел финал.

И Карл с Мазепой, едва живой, за Днестр, в Бендеры, удрал.

О Гленне ж судили и так, и сяк, и даже была молва, что в Швеции где-то имелся кабак

«Развёрнутая голова».

И там перед входом висел плакат, а с него, почти как живой,

смотрел с кружкой пива в руке солдат с развёрнутой головой. 4.1.2002 г.

КАРЛ ДВЕНАДЦАТЫЙ

«...Эта страна должна страдать, сколько ей угодно...

Те, кто не остался дома, должны быть разорены,

а их жилища уничтожены... Надо вешать... даже дети
в колыбелях не должны получать пощады...»
Из приказа Карла 12- генералу Реншельду.

С чего ты был таким неугомонным, задиристый и наглый
рыжий швед,
мечтающий, едва надев корону, добыть себе немыслимых
побед.

С годами став надменной и спесивей, решив: «Война – за-
бавная игра!»,
попёр, полез по дури на Россию, надеясь смять и укротить
Петра.

Но получив по морде зло и крепко, израненный, чуть ног
не протянул,
в безумии бежал за Днестр с Мазепкой, в Бендеры, а по-
том уже в Стамбул.

Но быстро опротивел янычарам, и жаждою отмщения то-
мим,
рванул от них в Бахчисарай к татарам,
стремясь опять поднять на русских Крым.

И всё никак не мог остановиться, права всех шведов цар-
ственно поправ.

Но Швеция, подбитая, как птица, осатанела от твоих «за-
бав».

И в новой битве, под разрывы пушек, когда ты гнал полки,
взъярён и лих,
тебе влетела пуля в черепушку. Не от врага, а точно – от
своих.

Какой финал! Обидный и позорный.
Но что осталось? Статуи, музей, где дух проклятий,
словно ворон чёрный, парит над подлой памятью твоей.
Кто шёл на нас с мечом, те неминуче ложились без крес-
тов и под кресты...
Но до сих пор История не учит таких же очумевших,
как и ты. 22.2. 2022 г.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Месье Жан-Жак Фритюр де Консومه
и Ги ле Камамбер, живущий в Ницце,
решили летней ночью при луне
в Париже от души повеселиться.

-Пари! - гремел месье Фритюр. - Монмартр
Пляс Этуаль... вы с каждым днём мне ближе.
О, мон Пари, ты – как сплошной театр.
Мерси боку, что я живу в Париже!

-О Лувр! - взывал ле Камамбер. - О, Е-

лисейские Поля, я в вас влюбился!..

Но тут им кто-то дал по голове.
Обоим! Взял бумажники и скрылся.

Придя в себя, ощупав фонари
и шишки, что выросли необычайно
вдохнул де Консоте: - Но, мон Пари,
ты не театр, ты – роковая тайна!..

Морали здесь, как единиц в нуле,
хоть я иные мнения предвижу.
Но с той поры решили «де» и «ле»
ночами не шататься по Парижу

ИЗ РОССИЙСКОГО БЫЛОГО....

Трали-вали, ох да ах, проигрался барин в прах,
просадил своё именье загулявший вертопрах
Вместе с дворней и женой, родовитою княжной.
Проиграл и застрелился, от отчаянья чумной.

Овдовевшая княжна, хоть на публике грустна,
рада, что освободилась от шального долбуна.
Ведь за этого гвардейца выходила нехотя,
по желанию семейства залучить его в зятя.

Ибо был желанец оный, по-простому говоря,
отпрыск тайный незаконный
то ль царицы, то ль царя.
И теперь родня девицы, осознав свою вину,
не оставила вдовицу в кратком трауре одну.
И усадьбу возвратили, чтобы стало всё, как встарь.
В свете смутно гомонили, что свершил ТО Государь.

И не дав закуснуть в скуке, беспардонны и лихи,
полетели к ней, как мухи на приманку, женихи.
И такой-то вышел выбор- лучше выдумать нельзя:
на любой тебе калибр сплошь и графы. и князя.

Но она хвостом вертела, в руки никому не шла.
И любила, с кем хотела, и счастливою была.
А уж что в дальнейшем стало – не скрывается ответ.
Так-то сладко вспоминала бабка в восемьдесят лет,
в окружении семейства, в новом родовом гнезде,
все былые чародейства – как, когда, и с кем, и где.

И лишь тяжким оставался злой вопрос:
- А было что б, если б муж не проигрался
и не втюхал пулю в лоб? 27.5.25 г.

ИЗЫСКАНИЕ

А в мировой Истории историй записанных полно, хоть за-
вались.

Геройств, предательств, радостей и горя,
как говорится, на любой каприз.

За множество веков до нашей эры в обителях различных
государств

такие претворялися примеры безумств, заскоков. фобий
и коварств.

Тщеславие всегда преобладало над разумом. И сотни иг-
роков

в тщеславных драмах добивались славы,и иногда на тыся-
чу веков.

То Герострат, великий храм спаливший, по сути совер-
шенный идиот.

Но только память о сием парнище доселе в общей памяти
живёт.

Иль был ещё один большой воитель не знаю, как точнее
его назвать,

Сцевола Муций, юный римский мститель
врагам своим сумевший доказать, что среди всех он не
слабак задохлый,
и может претерпеть любую боль.

Глядите, гады! Содрогнись, эпоха! В Историю ввести его

изволь!

И доказал, одолевая муки, геройски и сознательно вполне,
сжигая свою собственную руку, словно шашлык, на мед-
ленном огне,

повергнув всех следящих индивидов в душевные терзання
и испуг,

и став навек никчемным инвалидом.

И это тебе надо было, друг Сцевола,
люто дерзок и неистов, кумиром став для тех, кто горд и
смел.

А может был ты просто мазохистом, и от страданий пёрся
и балдел?

О новый век, о времена, о нравы, и вам пребыть в Истории
дано.

Искателей любой, хоть подлой, славы
и в наши дни везде полным-полно.

От геростратов в мире динамитно, куда ни плюнь, повсю-
ду эта слизь

А вот сцеволов нынешних не видно.

Иль мазохисты все перевелись? 9 января 2024 г.

ПЛЁС на ВОЛГЕ 19-й век.

Лапотник 1

1.

Сидел Ванёк на завалинке, новые лапти плёл.
С виду приземистый, маленький, рыж, и ушаст, и квёл.
Но в своём деле лыковым, дабы шедевр сплести,
можно сказать, великий он, лучшего не найти.

Ежли бы в давних давностях, в прошлых, мабуть, веках,
всякие иностранности шлэндали в лапотках,
те же мадамы римские, тот же Нерон- хорёк,
он бы, мурло латинское, Рима бы не изжёг.

Вот и готовы лапотки – блещут, скрипят, шкворчат,
аки штиблеты лаковы в городе у барчат.

Прямо «баррока» истинна – хошь на показ в музей,
иль на Всемирну выставку – радуйся и глазей!

Вскоре в онучах плисовых, в чистых почти портах,
Ванька обновки выставить, вышел, ну чисто, граф.
Гранька, соседка ближняя, тут же бегит, браня:
-Ах ты, трепло мурлыжное, идол ты и трутня!
Мною ж тебе уплочено, так что смотри, Ваньтё,
иль возверни полтинник мой, иль позову братьёв.
Но коль фасонку модную всё ж для меня сплетёшь,
требовай, что угодно. И... дам тебе всё. что хошь!

-Ладненько, -бает Ванюшка.-Будет тебе модно.
Токмо прибегай, Гранюшка, вечером на гумно...
И покатился далее, этакий вертопарх,
аки Нерон в сандалиях, иль Людовик в туфлях.

2.
А в занебесных сферах, в этот же самый срок,
выбрался для проверок грозный Илья-пророк.
В огненной колеснице, при золотых конях,
в сполохах и зарницах, в громе и молоньях.

И всепокойство руша, в полный несясь галоп,
наземь тотчас обрушил как бы сплошной потоп.
И в дождевой напасти, в рокоте той воды
Ванькины чудо-лапти сделались никуды.
Осатаневши, паря, лапоть с ноги стянул
и во злобе, в угаре в небо его швырнул.

Как тот полёт изладился, ветер ли помог шальной,
только «объект» прилаптился прямо перед Ильёй.
Вспрянул Илья: « Не чудо ли? Что там за паразит,
нехристь, варнак иудовый этак мене грозит?»

Глянул сквозь облак зорко, высмотрел: под дождём
Ванька никчемный, мокрый, с новым стоит лаптём.

—Эка, ничтожна мелочь, а ить бунтует, вошь.
Ладно что с им поделашь, что с дурака возъмёшь?
И со смешком, без брани, вместо огней и стрел,
лаптем, зажатом в длани, Ваньку Илья огрел.

И унеслись летуче громы и молоньи,
с ними исчезли тучи, небо синей сини.
А у свово же прясла, в мороке и дике,
Ванька сидит несчастный с лапотъём на башке.

Так смутны мысли Ваньки, что не могут учтить
нервенный выкрик Граньки:
- Ваньк, на гумно прийтить?

Лапотник —2

Цельный месяц, сумнявый и дикий, Ванька- лапотник дурость чудил.

Не обдёргивал с липочек лыко, вместо лаптей в опорках ходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.